

УДК 930.1

**ЛЕТОПИСНЫЙ РАССКАЗ О МЕСТИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ:
ПОПЫТКА СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

© 2018 г.

Н.И. Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sochin3@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.03.2018

Предлагается попытка семантического анализа летописного рассказа о жизни и деятельности княгини Ольги. Автор связывает начальное повествование о мести княгини древлянам с последующими биографическими сюжетами, представленными в «Повести временных лет». Это дает возможность показать их сюжетное единство и раскрыть историко-назидательный замысел повествования, обозначить роль библейских параллелей в созданном летописцем рассказе, где Ольга предстает перед читателем как праведница, распознавшая и победившая дьявольский соблазн, защитившая от него собственный народ и тем самым предвосхитившая его христианское будущее.

Ключевые слова: семантика литературного образа, антиповедение, религиозность, исторический источник, средневековая ментальность.

Исторический образ киевской княгини Ольги традиционно вызывает интерес историков. Мало кто из деятелей Киевской Руси удостоился столь ярких летописных характеристик. Ольга показана и как воительница, которая в трудный час смогла отстоять интересы Киева, упрочить его политический статус центра древнерусского государства, и как прозорливый политик, мудрый дипломат, и как предтеча христианства на Руси.

Стоит ли удивляться, что с начала русского историописания личность княгини Ольги привлекала к себе внимание исследователей. Уже в XVIII веке жизнеописание киевской княгини становится неотъемлемой частью исторического повествования [см.: 1, с. 47, 306; 2, с. 235–236; 3, с. 214–219]. XIX век продолжает эту традицию в сочинениях А.Л. Шлецера [4, с. 363, 373, 397, 411–412], Н.М. Карамзина [5, с. 105–111], М.П. Погодина [6, с. 15–29], С.М. Соловьева [7, с. 153–159]. Характерной чертой этих сочинений становится прямое следование летописной традиции, и если по поводу крещения Ольги и ее константинопольского вояжа еще ведутся какие-либо споры, то начальная часть биографического описания обычно подается достаточно традиционно, как пересказ соответствующего сюжета «Повести временных лет». Явная сказочность историй о мщении княгини древлянам за убитого мужа и покорение Искоростена казались настолько «летописными», что практически опускались историками [см.: 8, с. 129–134; 9, с. 21–23; 10, с. 207–210; 11, с. 74–84].

Подобное положение дел не кажется удивительным, если учитывать нарративное богатство и источникового материала, посвященного

биографии великой княгини. Основой повествовательной традиции становятся сказания, вошедшие в состав «Повести временных лет» под 945–969 годами и определившие, с изменениями и дополнениями, сюжетную линию русского летописания до обобщающих сводов XVI века. Еще одним важным памятником древнерусского происхождения является «Память и Похвала князю Владимиру» со вставкой «Похвалы княгине Ольге», приписываемой монаху Киево-Печерского монастыря Иакову и датируемой XI–XII веками. Окончательно текст этого произведения оформляется к XIV веку [12, с. 181–185]. В XIV–XV веках появляется «Слово о том, как крестится Ольга, княгиня русская», открывающее житийное описание бытия великой княгини. В XVI веке житийная и летописная традиция, взаимно обогатив друг друга, объединяются в «Степенной книге», где жизнь и деятельность Ольги получает самое пространное описание, изобилующее биографическими подробностями, отсутствующими в предыдущих редакциях. Как правило, именно они и ложатся в основу бесчисленного множества популярных и научно-популярных публикаций, посвященных жизни равноапостольной княгини [см.: 13, с. 142–143; 14, 15]. Основное внимание авторов привлекают сюжеты, связанные с деятельностью Ольги как ревнительницы православия в Киевской Руси и как предтечи христианизации страны.

Данная тема всегда привлекала к себе пристальное внимание историков, так как во многом определяла дальнейший вектор развития культурно-исторических событий на Руси. Как следствие, образ Ольги-воительницы оставался

на втором плане. Летописные свидетельства ее расчетливой мудрости и коварства в отношениях с древлянами меркли на фоне дипломатической победы в Константинополе. Мало этого, сюжет о поездке в Византию и переговорах с императором казался историкам более «достоверным», нежели легендарное повествование о мести княгини за убитого мужа. Не удивительно, что уже XVIII столетие открывает череду специальных исторических исследований на тему Ольгиного крещения [16], дополненных и расширенных в XIX и XX веке [исчерпывающую историографию вопроса см.: 17, с. 262–270].

Не найдя смысловых связей начала летописной Ольгиной биографии с ее продолжением, уже Н.М. Карамзин полагает, что рассказ о мести древлянам больше похож на легенду, чем на реальность [5, с. 106]. А.А. Шахматов однозначно относит данную часть текста к народным преданиям, с помощью которых летописец пытается оживить свое повествование [18, с. 424]. Окончательно фольклорный статус этих летописных сюжетов закрепляется за ними в работах Д.С. Лихачева [19, с. 63, 20, 305]. Следует заметить, что подобные утверждения имели под собой все основания. Еще В.Г. Васильевский отмечал, что реализация Ольгиной мести Искоростеню имеет аналогии как в ближневосточной, так и в европейской фольклорной традиции [21, с. 232–235]. К аналогичному выводу приходит и Е.А. Рыдзевская, отмечающая сюжетные параллели, восходящие к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, а также встречающиеся в сочинении Саксона Грамматика [22, с. 200–202]. О фольклорном характере летописной легенды говорят А.А. Шайкин [23, с. 87–100], И. Чекова [24, с. 77–98], А.В. Коптев [25, с. 116–148; 26, р. 1–54].

Напомним, что биография Ольги, согласно древнерусскому летописанию, открывается описанием мести киевской правительницы непокорным древлянам, поднявшим руку на мужа княгини Игоря. Повествование разбивается на четыре сюжета, первый из которых рассказывает об убийстве двадцати сватов, прибывших в Киев и предложивших Ольге в качестве искупления за убийство мужа руку древлянского князя Мала. Сваты-послы были закопаны в землю живьем вместе с ладьей. Далее Ольга потребовала от древлян прислать к ней новых лучших мужей. Прибывшие послы были сожжены в бане, готовясь к встрече с княгиней. Продолжением истории становится посещение княгиней земли древлян, чтобы по обычаю справить тризну по мужу. Опойв присутствующих на тризне противников, Ольга велит своим дружинникам перебить их. Завершает повествование история военного похода киевской прави-

тельницы на территорию древлян, битвы с ними и последовавшего за этим сожжения города Искоростеня.

Яркие параллели со скандинавской традицией отмечали В.Г. Васильевский и Е.А. Рыдзевская, прежде всего говоря о четвертой мести княгини и сожжении столицы древлян. Действительно, сюжет о сожжении города с помощью птиц присутствует в произведении Снорри Стурлусона «Круг Земной» [27, с. 405]. Однако стоит отметить, что предшествующие четвертой мести деяния Ольги имеют пусть не столь яркие, но вполне зримые параллели с записками исландского скальда. Так, например, в саге об Олафе Тюрговассоне содержится любопытный сюжет: «В тот же вечер туда приехал другой конунг. Его звали Виссавальд, и он был из Гардарики. Он тоже приехал свататься к ней. Конунгов поместили вместе с их дружинами в доме, хотя и большом, но старом... Вечером не было там недостатка в напитке, настолько хмельном, что все были мертвецки пьяны, и стражи как внутри, так и снаружи дома заснули. И вот Сигрид велела расправиться с всеми ними огнем и мечом. Дом и все, кто в нем был, сгорели, а те, кому удалось из него выбраться, были убиты. Сигрид сказала, что так она хочет отучить мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая» [27, с. 126].

История, как мы видим, связана с назойливым сватовством, а ее финал вполне соответствует описанным в летописи манерам киевской княгини. Хочется отметить, что коварный прием истребления противника с помощью огня и меча весьма характерен для саг «Круга Земного». Он встречается в повествовании не один раз и оценивается как славное деяние [27, с. 33, 91, 545–547]. Следует, конечно, заметить, что Снорри Стурлусон создает свое произведение на рубеже XII–XIII веков, то есть значительно позже описанных в «Повести временных лет» событий. Однако вариант с «обратным» заимствованием указанных сюжетов кажется малоубедительным, да и само знакомство исландского сказителя с русским летописанием вызывает сомнения. Кроме этого, истории, представленные в «Круге Земном», всегда органично вписаны в линию повествования, мотивы героев понятны, поступки связаны известной логикой. Что же касается рассказа «Повести временных лет», то в нем и поведение киевской княгини, и поведение древлян выходят за грани человеческой логики. И если мотивы самой мести Ольги еще можно истолковать, что делает, например, А.П. Богданов, объясняющий поступки княгини заботой о подрастающем Святославе, продол-

жателя киевской династии [28, с. 64], то наивность древлян не поддается объяснению. Их настойчивый «пацифизм» выходит за рамки здравого смысла эпохи средневековья.

Все это заставляет либо совершенно отказаться от какого-либо рационального понимания означенных сюжетов, либо попытаться отбросить их буквальное толкование и искать иные смыслы в бриколаже, оставленном нам древнерусским летописцем. Тем более что значимость сюжетов о мести княгини для автора летописи была контекстуальной, иначе бы они вообще не попали в произведение. А поскольку, как отмечал Ю.М. Лотман, культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, один и тот же текст может вступать в разные отношения с его разноуровневыми структурами. Другими словами, отношение текста к культурному контексту может иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, или же метонимический, когда текст представляет собой контекст, как некоторая часть – целое [29, с. 161]. Наконец, тексты, как более стабильные и ограниченные образования, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой. Таким образом, текст становится как бы значительнее самого себя и приобретает черты той культурной модели, на базе которой формируется. Тем самым, как для автора, так и для адресата он выступает как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную роль в их диалоге. Соответственно каждый текст может быть истолкован как буквально, так и духовно или мистически, причем обе эти категории могли иметь и смыслы, и подсмыслы.

А.Я. Гуревич отмечает, что текст в средневековой культуре получал в общей сложности четыре интерпретации. Во-первых, его следовало понимать с фактической стороны («историческое» толкование). Во-вторых, один и тот же факт, описываемый в тексте, рассматривался в качестве аналога иного события. Так, события, описываемые в Ветхом Завете, наряду со своим непосредственным смыслом, имели и другой – завуалированный, аллегорический, указывающий на события, о которых повествует Новый Завет («аллегорическое» толкование). В-третьих, давалось нравоучительное толкование; данное событие рассматривалось как моральный образец поведения («хронологическое» толкование). В-четвертых, в событии раскрывалась сакральная религиозная истина («анагогическое», то есть возвышенное толкование) [30, с. 74–75]. Это может дать понимание замысла летописца, привлекающего элементы фольклорных текстов не ради их самих, а как сюжетную

помощь в формировании иных смыслов, созвучных той культурной обстановке, в которой это произведение возникает. Как замечает Ю.М. Тынянов, в условиях разложения какого-либо жанра, в данном случае фольклорного, старые смыслы перемещаются на периферию, а на их место постепенно вводятся другие, новые [31, с. 9–10]. Происходит процесс активного смыслопорождения, в котором вторичное делается релевантным, а первичное – лишенным значения. Все вышесказанное позволяет рассмотреть указанное летописное повествование с целью поиска небуквальных повествовательных смыслов.

Начать смысловой анализ означенного сюжета следует не с нарратива, открывающего повествование, а с финальной части летописного рассказа о посещении киевской княгиней Константинополя. В нескольких строках автор летописи подводит итог ее греческому вояжу: Ольга «переключала» царя Константина. Далее следует летописное сравнение княгини с царицей Савской, которое, по мнению И.Н. Данилевского, имеет смыслообразующее значение для создания самого летописного образа княгини [32, с. 159–161]. Данное сравнение должно было подчеркнуть житейскую мудрость Ольги, которая в отличие от эфиопской царицы была настолько умна, что искала не земной, а божественной мудрости. «Си бо от възраста блаженая Ольга искаше мудростью все в свѣтѣ семъ и палѣзе бисерь многоцѣнныхъ еже есть Христость» [33, с. 26]. Другими словами, именно природный ум приводит киевскую властительницу к богу, что и отличает ее от царицы Савской. Следует отметить, что константинопольское крещение и достижение божественного просветления Ольги становится вершиной летописного повествования о ее жизни. Таким образом, весь замысел летописного сюжета, посвященного киевской княгине, может быть интерпретирован как процесс становления ее мудрости. Следовательно, и первая часть летописного материала, посвященная мести древлянам, должна отражать указанную эволюцию.

После убийства князя Игоря древляне снаряжают в Киев посольскую экспедицию. Двадцать лучших мужей на ладье приплывают к его вдове с предложением принять, взамен убитого мужа, руку древлянского князя Мала. Этим сообщением открывается самый информационно нагруженный сюжет, повествующий об Ольгиной мести. Все остальные сюжеты, за исключением позднее попавшего в летопись рассказа о сожжении Искоростеня, содержат минимум информации и сведены к иллюстрации прямого действия, выполняемого по приказу княгини.

Первый же отрывок содержит своеобразный диалог Ольги с послами, иллюстрирующий процесс отпущения. И летописная информация, и способ ее подачи, и объем самого текста говорят о серьезном значении, которое летописец придавал данному отрывку, что привлекает к нему особое внимание.

Прежде всего обращает на себя внимание диалог, в котором Ольга предлагает послам весьма странный способ их перемещения с берега реки в теремной дворец: «азъ утро послю по вы, вы же рцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понѣсте ны въ лодѣ и възнесуть вы въ лодыи» [33, с. 24]. Послы охотно соглашались на это предложение и вот уже утром «гордящися» требуют от киевлян перенести их, сидящих в ладье «на честь велику». Честь, оказанная древлянам Ольгой, оказывается «пущи ны Игоревы смерти» [33, с. 24], их бросают в специально выкопанную яму и хоронят живыми. Подобный прием, оказанный посольской делегации, безусловно, требует объяснения. Б.А. Рыбаков приходит к выводу, что действия Ольги носили государственно-ритуальный характер, конкретное содержание которого состояло в жертвоприношении накануне военного похода на древлян [34, с. 360]. И.Я. Фроянов в результате развернутого анализа в конечном итоге также приходит к заключению, что подобный способ обхождения с послами символизировал обычай человеческого жертвоприношения, переименованный летописцем в месть [35, с. 45–46].

Вне всякого сомнения, подобного рода трактовка событий вполне логична и имеет право на существование. Однако хочется отметить, что описание подобного жертвоприношения придавало бы образу княгини весьма негативный оттенок. И, несмотря на летописное «переименование», отправляло бы читателя скорее к образу последней язычницы, а не первой христианки. Данное прочтение эпизода плохо согласуется с последующими фактами биографии киевской княгини, в частности с ее идейным противостоянием с сыном, язычником Святославом, категорически отвергавшим христианство. Не согласуется такая трактовка событий и с поведением древлянских послов. Их безропотное участие в жертвоприношении так и остается без объяснения. Все это заставляет вновь обратиться к летописному тексту и, в частности, к тем рекомендациям, которые Ольга дает членам прибывшей делегации. Отметим, что совет не следовать верхом или пешком к теремному дворцу был охотно поддержан приехавшими древлянами. Другими словами, совет Ольги отвергнуть любой из естественных и рациональ-

ных видов перемещения был горячо одобрен послами, несмотря на то, что подобная манера себя держать сразу превращала действия прибывших древлян в открытую форму антиповедения.

Сущность антиповедения – замена тех или иных регламентированных норм на их противоположность, причем характер такого противопоставления заранее не определен [36, с. 469]. Понятие «антиповедение» было введено в научный оборот Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским в конце семидесятых годов двадцатого века, но только в середине восьмидесятых, трудами последнего, оно приобретает характер самостоятельности [37, с. 15]. Б.А. Успенский понимал под ним обратное, перевернутое, опрокинутое поведение – иными словами, поведение наоборот. С.Е. Юрков характеризует антиповедение как форму «намеренного и сознательного отклонения от общепринятой или предписываемой (рекомендуемой властными идеологическими кругами) нормы поведения, которая содержит (в большей или меньшей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-социального порядка (в предельном случае – на разрушение всей его структуры (т.е. системы норм))» [37, с. 19]. Иллюстрируя характер антиповедения, Б.А. Успенский приводит в качестве примера рассматриваемый нами летописный эпизод: «княгиня Ольга, обрекая древлян на смерть, посадила их в ладью, и это объясняется ритуальной функцией ладьи (наряду с санями) в похоронном обряде: помещение в ладью, как и помещение в сани, символизирует смерть» [36, с. 474], – пишет автор. О «похоронном» характере перемещения послов в ладье упоминает и И.Я. Фроянов, однако историк с критикой отвергает это предположение [35, с. 39–40], несмотря на то, что оно, как кажется, открывает путь к новой интерпретации случившегося.

Начать следует с того, что сам характер перемещения в ладье, когда гребцы вынуждены двигаться спиной вперед, говорит о ненормативности подобного рода передвижения. О чем-то схожем пишет в своей «Истории русской церкви» Е.Е. Голубинский. Новгородский архиепископ Геннадий, изобличая еретиков, «приказал посадить их верхом лошадей на вьючных седлах, оборотив их одежду передом на зад, а самих посадив задом к конским головам» [38, с. 574]. «Яко да зрять на западь и уготованный имъ огонь» [39, с. 55–56], – как заметил по этому поводу Иосиф Волоцкий. Подобная казнь была частью не столько осмеяния, сколько разоблачения еретиков. Как отмечает Д.С. Лихачев, «Геннадий в этом случае ничего не изобретал, – он «разоблачил» еретиков вполне «древнерусским» способом» [40, с. 80]. Возможно,

именно положение гребца спиной вперед заставляло современников смотреть и на ладью, и на сани как на части погребального ритуала и соотносить их с потусторонним миром. Поэтому прибытие послов на ладье сразу ставило вопрос, из какого «мира» они прибыли. Несмотря на то что источник не описывает само прибытие и характер перемещения послов, дальнейший ход событий позволяет принять представленное выше предположение.

Именно желание проверить, кто на самом деле прибыл в Киев, толкает Ольгу сделать древлянам весьма сомнительное предложение. Согласие же можно было трактовать как подтверждение самых дурных подозрений в отношении прибывшей делегации. Согласившиеся на антиповедение древляне зримо продемонстрировали свою причастность к изначному, потустороннему миру. Перемещение сидящих в ладье послов на руках становится частью разоблачительного действия, форма которого отсылает нас уже к библейскому наследию. Ветхозаветная формула «на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею» [Пс. 90:12] в евангельской традиции получает прямо противоположное значение, ее произносит искушающий Христа на крыле иерусалимского храма дьявол. «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего» [Мат. 4:6–7]. Древляне соблазнены дьяволом, поэтому искушают бога и уверены в полной своей безнаказанности. Предложение княгини для них «честь». Для Ольги же становится очевидным, что перед ней люди, одержимые сатаной. Мало этого, они предлагают ей союз с их «князем». Стоит ли удивляться тому, что древляне кончают жизнь в ловко сконструированной ловушке. Низвергая послов вместе с ладьей под землю, Ольга переводит их в тот мир, к которому они принадлежат. Тем самым они повторяют судьбу своего патрона, который словами полемизирующего с белозерскими волхвами Яна Вышатича «за величалъ его низъвержень бысть съ небесе и есть въ безднѣ» [29, с. 76]. Расплата за союз с сатаной – преисподняя; и это – единственная «честь», на которую могут рассчитывать одержимые бесом, и наказание их «пуши» смерти.

Кроме названных значений, притча о первой мести княгини Ольги может нести в себе и глубокий аналогический смысл. Христиане или люди, стремящиеся ими стать, должны активно сопротивляться дьяволу и распознавать его уловки [2 Кор. 2:11; Еф. 6:11; Иак. 4:7], так как

он совершает зло, искушая людей [Ин. 13:2; Деян. 5:3], управляя теми, кто не принимает Христа и Благую Весть [2 Фес. 2:9–12; Мк. 4:15; Ин. 8:44; Деян. 13:10; Кол. 1:13]. В то же время текст может быть понят и с фактической стороны: древляне, политические оппоненты киевских полян, не могут претендовать на равное с ними положение. Их бунт против законного правителя князя Игоря – не просто вызов центральной власти, это покушение на новую, христианскую систему мироустройства, в которой доминирование Киева определяется не военной силой, а передовым религиозно-культурным положением. Древляне как часть летописного восточнославянского мира могли бы принять бога, но не сделали этого.

Другими словами, убийство киевского князя, какие бы он цели ни преследовал, – это покушение на новый богоизбранный народ, богохульство язычников, зло, которое должно быть наказано. Так как проводником зла выступает дьявол, в реальности которого летописец не сомневается, проведенная Ольгой экспертиза становится прологом к войне и наказанию прельщенных им мятежников. Древляне же не осознают всей серьезности сложившейся ситуации. Выступая игрушкой в руках нечистого, они не понимают, что обречены им на гибель, как физическую, так и духовную. Это заставляет их совершать ошибку за ошибкой, идти на поводу у мстительницы, последовательно выполняя ее требования.

Вторая прибывшая делегация по сути своей подвергается такой же проверке, что и первая. «Древляномъ же пришедшимъ повеле Ольга мовь сотворити рекуще сиче: “измывшеся придите ко мнѣ”» [29, с. 24]. Исходя из фразы, можно предположить, что речь в ней идет не столько о физической, сколько о духовной чистоте прибывших послов [Ис. 4:4]. Однако древляне понимают рекомендацию буквально. Очищение их огнем не заставляет себя долго ждать. По сути своей княгиня провоцирует прибывших древлян, зажигая баню. Ольга проводит над послами суд, задача которого либо очистить кающихся [Мф. 3:2–3], либо уничтожить нераскаявшихся грешников: «тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день» [Мал. 4:1]. Сожжением послов в бане киевская правительница открывает собственно сам акт мести одержимым дьяволом мятежникам после их изобличения. Троекратное мщение древлянам может быть истолковано в свете пророчества Иезекиля, говорящего об отступничестве Израиля и суде божьем над ним. «Третья часть у тебя умрет от язвы и погибнет от голода среди тебя;

третья часть падет от меча в окрестностях твоих; а третью часть развею по всем ветрам, и обнажу меч вслед за ними» [Иез. 5:12], «Во всех местах вашего жительства города будут опустошены и высоты разрушены, для того, чтоб опустошены и разрушены были жертвенники ваши...» [Иез. 6:6].

Избиение древлян во время тризны, военный поход в их земли и сожжение Искоростеня могут иметь другие ветхозаветные аналогии. В частности, И.Н. Данилевский не исключает влияние на них библейского рассказа о Самсоне. Автор указывает на возможную архетипическую близость этого сюжета с повествованием об осаде и разрушении Ольгой столицы древлян [32, с. 123–124]. «И пошел Самсон, и поймал триста лисиц, и взял факелы, и связал хвост с хвостом, и привязал по факелу между двумя хвостами; и зажег факелы, и пустил их на жатву» [Суд. 15:4–5]. Развивая эту мысль, можно провести некие сопоставления между резней пяти тысяч древлян на тризне по князю Игорю и избиением тысячи филистимлян разгневанным библейским героем. Однако хочется заметить, что данные сюжеты могут отсылать и к менее явным аналогиям. В частности, возможно летописное сопоставление самой эпохи княгини Ольги с ветхозаветными реалиями книги Судей, которая представляет собой последнюю редакцию повествования о периоде ранней монархии, предшествующей эпохе царств. В летописном повествовании обстоятельства эпохи, в которой описывается киевское княжество и действует княгиня Ольга, во многом схожи с сюжетом книги Судей. Ольга «бысть предътекущая крестьянстѣи земли аки деньница предъ солнцем и аки зоря предъ свѣтомъ» [29, с. 29]. Ее жизнь и деяния предшествуют эпохе величия Руси, принявшей истинного бога во времена ее внука Владимира, а сама характеристика Ольги, данная летописцем («деньница предъ солнцем», «зоря предъ свѣтомъ»), во многом схожа с семантикой имени Самсона – «солнечный», «подобный солнцу». Можно подчеркнуть и еще одно сходство образов Самсона и Ольги. Оба эти персонажа возлюблены богом, поэтому многие их поступки, зачастую идущие вразрез с общепринятыми правилами, не наказываются всевышним. В заключение отметим, что сюжет, повествующий о четвертой мести, первоначально в «Повести временных лет» отсутствует и появляется в тексте не ранее XII века [18, с. 65, с. 176], это говорит о том, что летописец в нем не нуждался. В более поздней редакции, увеличивая информационную насыщенность текста, автор летописи вводит этот сюжет, что могло иметь как прямое, так и анагогическое значе-

ние, возможная реконструкция которого и приведена выше.

Подводя итог проведенному исследованию, можно предположить, что легендарное предание «Повести временных лет» о мести княгини Ольги может нести следующую смысловую нагрузку. Язычники древляне, принимая сторону дьявола, убивают киевского князя Игоря. Уверенные в своей безнаказанности, их послы прибывают к вдове князя Ольге и предлагают ей союз с дьяволом, надеясь отворотить княгиню и киевлян от бога истинного, к которому они искренне стремятся. Но известная своей мудростью Ольга публично изобличает слуг сатаны и проводит над ними церемониальную казнь. Далее, понимая, кто стоит за мятежниками древлянами и какие силы движут ими, киевская княгиня проводит над ними акт троекратного мщения. Соблазненные сатаной древляне не понимают, что дьявол толкает их на физическую и духовную гибель. Ольга же, возлюбленная богом, как библейский Самсон, получает от него богатырскую силу для исполнения своей мести, победы над древлянами и совратившим их дьяволом.

Последнее предположение отправляет нас к завершающим словам эпитафии, которой летописец заканчивает биографию Ольги. «Праведници вѣвѣки живутъ, и от господа мзда имъ есть и строенье отъ Вышняго; сего ради примуть царствіе красотѣ и вѣнецъ добротѣ от руки Господня, яко десницею покроеть и мышцею защититъ» [33, с. 29]. По сути своей перед нами довольно точная цитата из второканонической Книги Премудрости Соломона [Прем. Сол. 5:15–16], продолжение которой, оставшееся за летописной строкой, вновь возвращает нас к теме Ольгиного противостояния с древлянами. «Он возьмет всеоружие – ревность Свою, и тварь вооружит к отмщению врагам; облечется в броню – в правду, и возложит на Себя шлем – неллицеприятный суд; возьмет непобедимый щит – святость; строгий гнев Он изострит, как меч, и мир ополчится с Ним против безумцев. Понесутся меткие стрелы молний и из облаков, как из туго натянутого лука, полетят в цель... Восстанет против них дух силы и, как вихрь, развеет их» [Прем. Сол. 5: 17–21, 23]. Таким образом, в заключение летописец вновь отправляет читателя к начальному сюжету своего повествования, что вполне согласуется с логикой построения текста и актуализацией его основного смысла. «Защитилъ бо есть сію блажену Вольгу отъ противника и супостата дьявола» [29, с. 29]. Последняя фраза эпитафии дает возможность предположить, что не константинопольское крещение и не «креативная» победа над императором становятся для автора летописной биографии смысловой доминантой по-

вестования. Ольга предстает перед нами как праведница, распознавшая и победившая дьявольский соблазн, поправшая соблазнителя, защитившая от него собственный народ и тем самым предвосхитившая его христианское будущее. Образ Ольги как княгини-заступницы обязан был подчеркнуть исключительное положение киевлян как избранного народа, по праву занимающего лидирующее политическое и культурное положение в нарождающейся Киевской Руси.

Список литературы

1. Татищев В.Н. История Российская. Т. II. М. – Л.: Наука, 1963. 352 с.
2. Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г. // Полное собрание сочинений. Т. VI. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 702 с.
3. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1770. 398 с.
4. Шлецер А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1819. 708 с.
5. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. I. Кн. 1. СПб.: Золотой век, 2003. 832 с.
6. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М.: Синодальная типография, 1871. 400 с.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 768 с.
8. Полевой Н.А. История русского народа. Т. I. М.: Вече, 1997. 640 с.
9. Филарет (Гумилевский) архиепископ Черниговский. История русской церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 842 с.
10. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. История Русской церкви. Кн. I. Т. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 408 с.
11. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый: Киевский или домонгольский. Т. I. Первая половина. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2002. 968 с.
12. Щапов Я.Н. «Повесть и Похвала князю Владимиру Святославичу» Иакова мниха и «Похвала княгине Ольге» // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб.: БЛИЦ, 2003. 385 с.
13. Холмогоров Е. Святая равноапостольная княгиня Ольга // Альфа и Омега. М., 1994. № 3.
14. Александров А.А. Во времена княгини Ольги: легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков: ООО «Псковское возрождение», 2001. 280 с.
15. Судникова И.В. Святая равноапостольная великая княгиня Ольга. М.: Сибирская благовонница, 2009. 114 с.
16. Евгений (Булгар) архиепископ Славенский и Херсонский. Историческое разыскание о времени крещения Российской Великой Княгини Ольги. СПб., 1792. 117 с.
17. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси (IX – первая половина X в.). М.: Мысль, 1980. 358 с.
18. Шахматов А.А. История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие летописные своды. Т. I. Кн. 2. СПб.: Наука, 2003. 1024 с.
19. Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
20. Лихачёв Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Приложения. Статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 556 с.
21. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1908. 403 с.
22. Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. М.: Наука, 1978. 240 с.
23. Шайкин А.А. Повесть временных лет: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 616 с.
24. Чекова И. Летописное повествование о княгине Ольге под 6453 годом в свете русской народной сказки, опыт определения жанровой природы // Староболгарска литература. Кн. 23–24. 1990.
25. Коптев А.В. Летописная месть княгини Ольги древлянам и ритуал погребения русского князя // Centaurus: Studia classica et mediaevalia, vol. 4, Moscow State University for Humanities Press, 2008.
26. Koptev A. Ritual and History: Pagan Rites in the Story of the Princess' Revenge (the Russian Primary Chronicle, under 945–946) // Mirator 11:1. 2010.
27. Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980. 691 с.
28. Богданов А.П. Исторические портреты. Княгиня Ольга // Вопросы истории. 2005. № 2.
29. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство СПб, 2002. 768 с.
30. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
31. Тьнянов Ю.М. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 596 с.
32. Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
33. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей Т. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. 270 с.
34. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 566 с.
35. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1222 с.
36. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Изд. 2. М.: Языки славянской культуры, 1996. 608 с.
37. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI–XX вв.). СПб.: Летний сад, 2003. 210 с.

38. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1997. 953 с.

39. Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань: Изд-во Казанской духовной академии, 1855. 255 с.

40. Лихачёв Д.С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. 272 с.

**THE PRIMARY CHRONICLE NARRATION OF THE REVENGE OF PRINCESS OLGA:
AN ATTEMPT AT SEMANTIC ANALYSIS**

N.I. Solntsev

This article is an attempt at the semantic analysis of the chronicle story about the life and work of Princess Olga of Kiev. The author connects the primary narrative of Olga's revenge to the Drevlians for her husband's death with subsequent biographical stories presented in the Primary Chronicle. This gives an opportunity to show their narrative unity and to reveal the historical and edifying purpose of the narrative, to identify the role of the biblical parallels in the story created by the chronicler, where Olga is portrayed as a righteous woman who recognized and defeated the devil's temptation, protected her own people from it and thus presaged its Christian future.

Keywords: literary image semantics, anti-behaviour, religiosity, historical source, medieval mentality.

References

1. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossijskaya*. T. II. M. – L.: Nauka, 1963. 352 s.

2. Lomonosov M.V. *Drevnyaya Rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo, ili do 1054 g.* // *Polnoe sobranie sochinenij*. T.VI. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 702 s.

3. Shcherbatov M.M. *Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen*. T. I. SPb.: Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk, 1770. 398 s.

4. Shlecer A.L. *Nestor*. Ch. III. SPb., 1819. 708 s.

5. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva rossijskogo*. T. I. Kn. 1. SPb.: Zolotoj vek, 2003. 832 s.

6. Pogodin M.P. *Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga*. T. I. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1871. 400 s.

7. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen*. Kn. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 768 s.

8. Polevoj N.A. *Istoriya russkogo naroda*. T. I. M.: Veche, 1997. 640 s.

9. Filaret (Gumilevskij) arhiepiskop Chernigovskij. *Istoriya russkoj cerkvi*. M.: Izd-vo Sretenskogo monast'rya, 2001. 842 s.

10. Makarij (Bulgakov) mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. *Istoriya hristianstva v Rossii do ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira kak vvedenie v istoriyu russkoj cerkvi*. *Istoriya Russkoj cerkvi*. Kn. I. T. 1. M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monast'rya, 1994. 408 s.

11. Golubinskij E.E. *Istoriya russkoj cerkvi*. *Period pervyj: Kievskij ili domongol'skij*. T. I. *Pervaya polovina*. M.: Izd-vo Krutickogo patriarshego podvor'ya, 2002. 968 s.

12. Shchapov Ya.N. «Povest' i Pohvala knyazyu Vladimiru Svyatoslavichu» Iakova mniha i «Pohvala knyagine Ol'ge» // *Pis'mennye pamyatniki istorii Drevnej Rusi*. SPb.: BLIC, 2003. 385 s.

13. Holmogorov E. *Svyataya ravnoapostol'naya knyagina Ol'ga* // *Al'fa i Omega*. M., 1994. № 3.

14. Aleksandrov A.A. *Vo vremena knyagini Ol'gi: legendy i byli o knyagine Ol'ge v Pskovskoj zemle*. Pskov: OOO «Pskovskoe vozrozhdenie», 2001. 280 s.

15. Sudnikova I.V. *Svyataya ravnoapostol'naya velikaya knyagina Ol'ga*. M.: Sibirskaya blagozvonnica, 2009. 114 s.

16. Evgenij (Bulgar) arhiepiskop Slavenskij i Hersonskij. *Istoricheskoe razyskanie o vremeni kreshcheniya Rossijskoj Velikoj Knyagini Ol'gi*. SPb., 1792. 117 s.

17. Saharov A.N. *Diplomatiya Drevnej Rusi* (IX – pervaya polovina X v.). M.: Mysl', 1980. 358 s.

18. Shahmatov A.A. *Istoriya russkogo letopisaniya. Povest' vremennyh let i drevnejšie letopisnye svody*. T. I. Kn. 2. SPb.: Nauka, 2003. 1024 s.

19. Lihachov D.S. *Russkie letopisi i ih kul'turno-istoricheskoe znachenie*. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. 499 s.

20. Lihachyov D.S. «Povest' vremennyh let» (Istoriiko-literaturnyj ocherk) // *Povest' vremennyh let. Prilozheniya. Stat'i i kommentarii* D.S. Lihachyova / Pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 556 s.

21. Vasil'evskij V.G. *Varyago-russkaya i varyago-anglijskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekov* // *Trudy*. T. I. SPb.: Izd-vo Imperatorskoj Akademii Nauk, 1908. 403 s.

22. Rydzevskaya E.A. *K voprosu ob ustnyh predaniyah v sostave drevnejšej russkoj letopisi* // *Drevnyaya Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv.: Materialy i issledovaniya*. M.: Nauka, 1978. 240 s.

23. Shajkin A.A. *Povest' vremennyh let: istoriya i poetika*. M.: Russkaya panorama, 2011. 616 s.

24. Chekova I. *Letopisnoe povestvovanie o knyagine Ol'ge pod 6453 godom v svete russkoj narodnoj skazki, opyt opredeleniya zhanrovoj prirody* // *Starob"olgarska literatura*. Kn. 23–24. 1990.

25. Koptev A.V. *Letopisnaya mest' knyagini Ol'gi drevlyanam i ritual pogrebeniya russkogo knyazya* // *Centaurus: Studia classica et mediaevalia*, vol. 4, Moscow State University for Humanities Press, 2008.

26. Koptev A. *Ritual and History: Pagan Rites in the Story of the Princess' Revenge (the Russian Primary Chronicle, under 945–946)* // *Mirator* 11:1. 2010.

27. Snorri Sturluson. *Krug Zemnoj*. M.: Nauka, 1980. 691 s.

28. Bogdanov A.P. Istoricheskie portrety. Knyaginya Ol'ga // *Voprosy istorii*. 2005. № 2.
29. Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta // Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury*. SPb.: Iskusstvo SPb, 2002. 768 s.
30. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury. M.: Iskusstvo, 1984. 350 s.
31. Tynyanov Yu.M. Arhaisty i novatory. L.: Priboj, 1929. 596 s.
32. Danilevskij I.N. *Povest' vremennyh let*. Germe-nevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnyh tekstov. M.: Aspekt-Press, 2004. 370 s.
33. Lavrent'evskaya letopis' // *Polnoe sobranie russkih letopisej* T. 1. SPb.: Tipografiya Ehduarda Praca, 1846. 270 s.
34. Rybakov B.A. *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* M.: Nauka, 1982. 566 s.
35. Froyanov I.Ya. *Drevnyaya Rus' IX–XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast'*. M.: Russkij izdatel'skij centr, 2012. 1222 s.
36. Uspenskij B.A. *Antipovedenie v kul'ture Drevnej Rusi* // Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy*. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Izd. 2. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1996. 608 s.
37. Yurkov S.E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI–XX vv.)*. SPb.: Letnij sad, 2003. 210 s.
38. Golubinskij E.E. *Istoriya russkoj cerkvi*. T. II. Period vtoroj, Moskovskij ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no. Pervaya polovina toma. M.: Izd-vo Krutickogo patriarshego podvor'ya, 1997. 953 s.
39. Iosif Volockij. *Prosvetitel'*. Kazan': Izd-vo Kazanskoj duhovnoj akademii, 1855. 255 s.
40. Lihachov D.S. *Drevnerusskij smekh* // *Problemy poetiki i istorii literatury*. Saransk, 1973. 272 s.